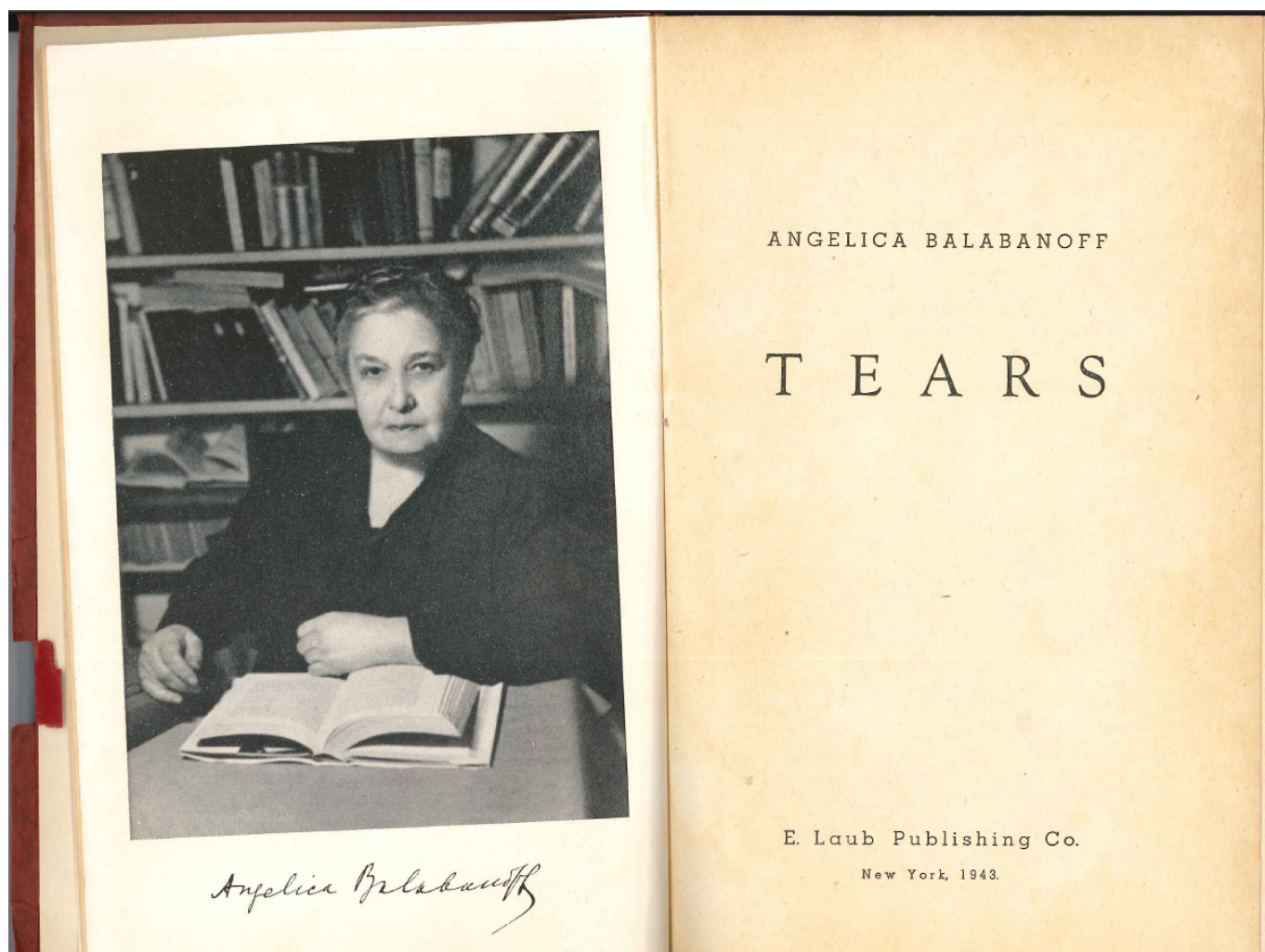

Анжелика Балабанова - падчерица русской революции. Часть 2 | Angelica Balabanova - la fille mal aimée de la Révolution russe. Partie 2

Автор: Дмитрий Петров, [Москва-Лозанна](#) , 12.04.2017.

Американское издание книги А. Балабановой "Слезы"

Мы продолжаем рассказ об убежденной революционерке, разочаровавшейся в

способах воплощения на практике дорогих ей идей и до сих пор называемой многими "русской женой Муссолини".

|
Angelica Balabanova - la fille mal aimée de la Révolution russe. Partie 2

Первая часть нашего рассказа закончилась [здесь](#).

Ни он, ни она и никто не знает, что благодаря ее доброте жалкий мальчик освоится, станет политиком и... совершит, как пишет Анжелика, «самое позорное предательство нашего времени». Но разве можно было разглядеть в робком юнце будущего дуче?!

Анжелика вместе с Бенито (а фактически за него) переводит текст Каутского. Она видит: такой труд тешит его амбиции. Физический же труд он презирает: ненавидя хозяев жизни, он не хочет быть пролетарием. Бедность рождает в нем чувство ущербности и жалости к себе. Однако дела идут на лад, и он решает, что всплыл со «дна». Где его робость? Теперь он, читавший лишь «Коммунистический манифест», спорит со знатоками Маркса.

Парень горд, что его отец-самоучка, бывший анархист, «ученик Бакунина», дал ему имена Бенито, Андреа и Амилькаре в честь революционеров – Бенито Хуареса, Андреа Косты и Амилькаре Чиприани. Он рос среди бунтарей. Его бунт – отзвук их рассказов о драках с жандармами. Буйного эгоизма в нем больше, чем жажды социальной справедливости, чувство второсортности рождает жажду реванша. Он много говорит о себе, о лишениях в детстве и, после бегства с родины, о редких заработках, голоде, арестах... Твердит, что искал работу на стройках, но мешали болезнь и полиция; рассказывает об изгнании из Берна за участие в стачке.

Ему близки взгляды Макса Штирнера и Ницше, славящих волю и мощь героя, а не масс. Его влечет революционер-заговорщик Бланки, и именно в этом ключ к планам Муссолини.

Après un grand débat parlementaire

LA SUISSE ET L'U. R. S. S.

On croit volontiers, chez nous et ailleurs, que la Confédération n'a jamais entretenu de relations diplomatiques avec l'U. R. S. S. et qu'elle n'a jamais reconnu le gouvernement de ce pays. C'est une erreur profonde. Après la chute du tsarisme, notre Légation est restée à Pétrograd où elle a continué normalement son activité sous les ordres de M. Odier qui fut remplacé par la suite par M. Junod. Pour que le principe de réciprocité soit observé, le jeune gouvernement révolutionnaire envoya en Suisse une mission, assez nombreuse, dont le chef, M. Bersine, ne fut pas accrédité immédiatement à Berne en qualité de ministre plénipotentiaire, mais bénéficiait cependant de tous les privilèges diplomatiques. Quand un pays change de régime, on a coutume d'adopter une attitude d'expectative, afin de voir si le système nouveau se consolide. Si la mission qui s'était installée dans la ville fédérale n'avait pas commis l'erreur de s'intéresser de trop près à nos affaires intérieures, il est cer-

tain qu'elle aurait été élevée très rapidement au niveau d'une Légation.

C'est cet événement — la grève générale de novembre 1918 et la part, d'ailleurs en partie contestée aujourd'hui, qu'y prit la mission Bersine — qui a mis un terme à ce premier contact. Mais on doit dire en toute objectivité que, depuis lors, des tentatives de rapprochement ont été entreprises de part et d'autre. Ainsi, en 1922, M. Motta acceptait au Conseil national un postulat Huber qui préconisait la normalisation de nos relations avec la Russie. Ainsi, la même année, nos délégués prenaient part aux conférences internationales de La Haye et de Gênes où l'on tenta d'asseoir sur des bases solides les relations de l'U. R. S. S. avec l'Europe et de la faire rentrer dans la communauté européenne dont elle avait été exclue ou dont elle s'était délibérément abstraite. En 1927, quand il fallut donner certaines garanties aux envoyés de la Russie qui désiraient participer aux discus-

1934 Du haut de la tribune de la Société des Nations, M. Motta, chef du Département politique fédéral, s'oppose au nom de la Suisse à l'admission de l'U. R. S. S. au sein de l'institution de Genève.

sions genevoises, la Confédération n'hésita pas à faire des concessions substantielles. La déclaration conjointe qui fut signée à l'époque fait allusion à des négociations qui « s'engageaient entre les gouvernements de l'U. R. S. S. et de la Confédération suisse sur l'ensemble des questions à régler entre les deux pays ». Dès lors, les échanges commerciaux prirent de l'ampleur. Pour sa part, en 1938, devant le Conseil de la S. d. N., le gouvernement de Moscou exprimait sa sympathie pour le peuple suisse et ne s'opposait pas à la restauration de la neutralité intégrale, par quoi il manifestait qu'aucune rancone ne l'animait à notre endroit. En-

fin, en février 1941, une délégation commerciale suisse signait à Moscou un accord économique qui, implicitement tout au moins, équivalait à une reconnaissance de facto de l'U. R. S. S. Bref, ce sont là autant d'étapes sur un long chemin qui, logiquement, devait conduire à la normalisation des rapports entre les deux Etats.

Toutefois, ce chemin était parsemé d'obstacles. A chaque fois que s'esquissait un rapprochement, des événements survenaient et se mettaient à la traverse, de telle sorte que l'on avait de part et d'autre des griefs à faire valoir. Notre peuple a toujours éprouvé une

M. Calonder était à la tête du Département politique fédéral lorsque le Conseil fédéral confia la mission Bersine, coupable d'avoir trépidé dans la grève générale de 1918.

M. Robert Grimon, député socialiste de Berne au Conseil national, se rendit en 1917 en Russie d'où il demanda télégraphiquement au conseiller fédéral Hoffmann de s'informer au sujet des conditions de paix que les Centraux pourraient faire aux Russes. Son télégramme et la réponse de Hoffmann furent interceptés. Grimon, taise d'opinion allemande, fut expulsé de Russie et Hoffmann dut démissionner.

Conradi, Grison de Russie où sa famille avait grandement souffert du fait de la révolution, crut se venger en abattant à Lausanne le délégué russe Vorovski. Conradi fut acquitté, ce qui provoqua le boycott de la Suisse par la Russie et un conflit qui ne fut réglé qu'en 1927.

Vladimir Vorovski, délégué soviétique à la Conférence de Lausanne, en 1923. Son assassinat par Conradi ne fut pas considéré par la Suisse comme un meurtre politique, étant donné que les puissances n'avaient pas voulu reconnaître à Vorovski le caractère de délégué.

Tchitchérine, commissaire soviétique aux Affaires étrangères, n'admit pas le point de vue de la Suisse dans l'affaire Vorovski et envoya au Conseil fédéral deux télégrammes si offensants que notre gouvernement renonça à répondre au second. Ainsi se produisit la rupture entre les deux Etats.

Ang. Balabanoff, agitatrice communiste, ancienne collaboratrice de Mussolini à 'Le Avanti', fut expulsée de Suisse pour avoir contribué à fomenter la grève générale de 1918.

M. Bruggmann, ministre de Suisse à Washington, a présenté au nom de notre pays la ferme protestation qui s'imposait à la suite de l'inqualifiable bombardement de Schaffhouse.

† G. Schoch. Au nombre des victimes du bombardement de Schaffhouse, on signale M. Gustave Schoch, chef du Département militaire cantonal. Le juge Seiler a subi le même sort.

† Amiral Bard, ambassadeur de France à Berne, est mort à 55 ans. Il fit les deux guerres mondiales, puis fut un temps préfet de police de Paris. L'amiral était à Berne depuis 1942.

Chasseur allemand attaquant des bombardiers américains. Ne dirait-on pas exactement ce qui s'est passé au-dessus de Schaffhouse? Un appareil de nationalité inconnue attaque, en effet, les avions américains qui, au nombre de trente, envahirent le ciel de la cité du Munot.

А. Балабанова попала на страницы швейцарских газет в связи с анализом швейцарско-советских отношений (Иллюстрé, 6 апреля 1944 г.).

Рабочие высмеивают его, а Анжелика жалеет. Думает: эгоизм и тяга к силе – компенсация слабости. Он – убеждает она себя – еще ощутит равенство с

товарищами, их понимание и признание, и тогда спесь уйдет. Дисциплина и труд сделают болтуна борцом. И она окажется права: его жизнь станет борьбой. Борьбой за проект «Муссолини».

Он исправляет свою дикцию и становится заметным оратором. Но его речи так грубы, что власти его высылают. Дома он обретает известность, учреждает газету «Лотта ди Классе» («Классовая борьба»). В 1912-м его делают главным редактором главного органа социалистов «Аванти!» А заместителем... Балабанову. За ее опыт и авторитет.

Она видит: старалась не зря – теперь он видный деятель и редактор, за год увеличивший тираж газеты вдвое. Живут они рядом. Заботы мешают ей замечать слухи об их романе, обсуждаемом и по сей день, хотя сплетни не подтверждают ни документы, ни воспоминания современников.

Не видит Анжелика и того, что успех не исцелил Бенито от тщеславия. Трудно сказать, какой бы стала его карьера, если бы не мировая война. В отличие от товарищей, он выступает за участие в ней Италии и покидает «Аванти!».

- Вы предаете партию, спасшую вас от моральной и физической нищеты. Вы предаете веру, сделавшую из вас человека и революционера, дала вам достоинство и идеалы, - с презрением бросает ему Балабанова.

Теперь он для нее – предатель. Больше они не встретятся.

Женева

Но вернемся на несколько лет назад.

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» В начале XX века Швейцария – воплощение этого девиза. Здесь много беглецов из России, их столица – Женева. Эсеры, меньшевики, большевики – у всех здесь есть организации, сторонники и газеты. И все борются за позиции в своих партиях, внимание политиков и деньги спонсоров. Конкуренция остра, споры легко переходят в ссоры. Царский произвол будоражит общественное мнение альпийской республики, и эмигранты вхожи в высокие сферы, где модно быть другом русской свободы.

que. Il ne reste que la France... Ne serait-ce pas le moment de la flanquer au moins de l'Italie ?

Le Palais Chigi a donc cessé de pointer sur le seul fédéralisme européen, voie détournée mais peut-être un peu longue pour réinsérer l'Italie dans la politique active et lui ménager ainsi l'égalité des droits qu'on ne saurait dénier aux membres d'une confédération où il ne saurait y avoir de privilégiés. Parlant à des Anglo-Saxons, le comte Sforza s'est donc mis à *talk business*. C'est le meilleur moyen d'être compris et respecté d'eux. Pas de vaine récrimination, de lamentation ni de minauderie. Aussi commença-t-on enfin à l'écouter.

L'art des révérences

La diplomatie est peut-être l'art des révérences, mais ce n'est certainement pas celui des gestes gratuits ni surtout des cadeaux sans contrepartie. Lorsque l'on fut à Rome que l'Angleterre se disposait à enlever à l'Italie tout son empire colonial préfacé sans la Somalie (d'ailleurs strictement amputée), ce fut dans toute la presse péninsulaire un tollé rappelant les violences verbales des plus beaux jours d'avant-guerre. Le comte Sforza en fut la première victime, et il ne fut pas ménagé, lui si chaud partisan de l'entente avec Londres.

Mais il n'était pas seul en cause. Six jours de suite le *Giornale d'Italia* prit à partie l'Angleterre comme l'ennemi le plus irréductible, implacable et cruel de l'Italie. La France elle-même fut accusée de s'être fait payer d'avance (par la renonciation au Fezzan) des services qu'elle refusait ensuite de rendre. Quant à l'Amérique, on l'accusait d'avoir entretenu de faux espoirs, et d'effacer en quelques jours la popularité que pouvait lui valoir l'aide passée de l'U.N.R.R.A. et celle présente du Plan Marshall. L'ambassadeur Dunn fut personnellement pris sous un feu croisé.

Tout cela à la grande joie et à l'immeuse hilarité de la presse d'extrême-gauche. « Vous voyez comme vous traitez vos faux amis, auxquels vous avez, irréparable faute, livré l'Italie pieds et poings liés et sans possibilité de négocier », disait en substance l'organe communiste aux partisans de l'entente avec l'Occident. « Vous êtes en train de justifier aux yeux de notre peuple la faute la plus grave qu'il reproche à Mussolini, celle de vous avoir déclaré la guerre », écrivait *Il Momento* à l'adresse des Anglais. Faire entrer l'Italie dans le cercle des démocraties occidentales paraissait dès lors une gageure. Et si Marshall a perdu le Secrétariat d'Etat, c'est peut-être aussi pour avoir si mal calculé la réaction italienne et

l'importance, l'influence qui serait sienne.

Washington semble en effet s'être rendu compte que sacrifier l'Italie, Sicile comprise, aux convoitises soviétiques afin de mieux fortifier Tobrouk et Massoua, est un plan digne de Gribouille. La délégation américaine à Chaillet a reçu d'abord de péremptores contre-ordres (à la note dernière minute). Puis l'Angleterre fut à son tour désavouée par l'Amérique. Azzam Pacha, secrétaire général de la Ligue arabe, fit des ouvertures pour des négociations directes avec l'Italie. Rome était capable de s'entendre même avec le Senoussi, à la barbe des Anglais et contre eux, et en tout cas il était clair aux yeux de tous que les Libyens préféreraient encore les Italiens aux Britanniques. Les déboires palestiniens de M. Bevin comblèrent la mesure.

Le Foreign Office opéra alors un savant demi-tour. M. Attlee parla d'un voyage du comte Sforza à Londres, et des parlementaires britanniques accoururent à Rome faire une visite de bonne volonté : ils furent reçus à bras ouverts ; en leur honneur, l'Opéra donna *Iris* de Mascagni. Mais le pape les gratifia de quelque avertissement, allusion à peine voilée aux responsabilités de qui tient en mains rênes ou ficelles. Bref, au cours de la très courte visite de M. Schuman à Londres,

Enfin une photo de Giuliano !

On sait que sous ce nom de guerre se cache le roi non couronné de Sicile, un patriote-bandit ou un bandit-patriote, comme on voudra, qui a pour spécialité de redresser de son propre chef les torts de ses concitoyens et de rançonner nombre d'entre eux en faveur du mouvement séparatiste. Jusqu'ici, on ne savait quel visage donner à ce fantôme. Voilà qui est chose faite : Giuliano est l'homme de gauche. L'autre est son secrétaire.

M. Bevin admit — enfin ! — le principe du retour de l'Italie en Tripolitaine.

« Talk business »

C'est qu'entre temps le comte Sforza avait en effet pris la précaution de parler affaires. Il avait laissé entendre qu'en Tripolitaine le nouveau régime pourrait être celui du protectorat comme en Tunisie, formale éminemment sympathique aux Américains. Il semble que maintenant on admette en Angleterre que cette formule pourrait être étendue au moins à une partie de la Cyrénaïque. En Erythrée, ce serait un mandat à trois, avec administration italienne. L'Angleterre aurait sauvé la face, l'Italie obtenu la substance. Elle avait su répondre aux Anglais qui disaient : « Mais vous n'avez rien pour reconstruire vos colonies ? » Nous avons la promesse d'extension du Plan Marshall aux territoires africains. Il nous faut cinquante milliards de livres pour commencer, puis 25 par an. Moyennant quoi nous pourrions diminuer de plusieurs centaines de milliers d'individus l'armée de nos chômeurs, transformés en colons ou en exportateurs, et remplacer ce poids mort par des échanges qui soulageront d'autant le Plan Marshall.

Faillacieux est en effet l'argument selon lequel les colonies ne faisaient que coûter à l'Italie : les citoyens qu'elle y envoyait y vivaient bien, le mouvement commercial assurait l'existence de nombre de gens aux colonies et dans la métropole, et l'investissement de capitaux n'aurait pas tardé à rendre. Mais quelle rente procurera à quiconque le désert que l'administration britannique laisse revenir peu à peu en Libye ? Ce n'est pas l'Italie seulement, c'est l'Europe qui a besoin de l'Afrique. Moins miséreux, le prolétaire italien écouterait moins facilement les sirènes révolutionnaires, liges de l'impérialisme oriental. Rendre ses colonies à l'Italie, c'est donc travailler à la sécurité de l'Europe.

Et voilà pourquoi le Palais Chigi, sans lier formellement la question des colonies à celle du Pacte Atlantique, a en pratique fait comprendre que les deux choses allaient logiquement de pair. Rome ne témoigne donc d'aucune hâte pour le système de sécurité européenne, etc... Paris, Washington et Londres en montrent d'autant plus. C'est le meilleur moyen, sans doute, d'obtenir de substantielles concessions coloniales, dont automatiquement l'Europe se trouvera fortifiée. Aussi parle-t-on déjà, en dehors d'Italie bien entendu, de réviser en pratique le traité de paix, de refaire l'aviation italienne, de six cents avions Vampire, de deux cents appareils américains à transférer de la bizonne allemande au sud du Brenner.

Pour sortir de la quarantaine, il fallait avoir l'air de s'y complaire, ou presque ? Pour ravoir les colonies, souffrir ainsi la misère ? Pour retrouver la sécurité, que les autres se sentissent faibles, menacés ? Sans doute. Mais l'Italie n'est encore qu'au bas de la pente à gravir.

Rome, fin janvier. P.-E. BRIQUET.

Mme Angelica Balabanoff, qui fut la secrétaire de Lénine et l'épouse de Mussolini quand le futur ducé était encore un homme de gauche, ouvre à Milan le Congrès du parti socialiste des ouvriers italiens, c'est-à-dire des socialistes dissidents de Saragat, opposés à leur parti avec les communistes. Derrière la présidente, l'ancien emblème du parti, qui sera remplacé désormais par un soleil levant. De g. à d., le député Calosso, Mme Balabanoff, le député Reina, M.M. Salerno et Bettinotti.

LA BALABANOFF CHEZ LES ITALIENS

Lorsqu'elle fait son entrée dans la salle, petit paquet de mèches grises et de robes modestes qui semble rouler nerveusement vers la tribune présidentielle, où elle s'installe bien avant que ne commence la séance, les plus gros bonnets la saluent avec la plus profonde et touchante déférence. Elle n'a d'ailleurs pas froid aux yeux. Dans les moments de plus grande tension, lorsque l'on ne s'entend plus, elle se dresse et, délaissant la sonnette que plus personne n'écoute, elle attrape d'un geste incisif le bout du microphone à ressort, et crie : « *Compagni / compagni* ! Vous avez deux mille voix et je n'en ai qu'une, mais je vous ordonne, moi votre présidente, je vous ordonne de vous taire ! » Et le miracle, c'est qu'en effet ils se taisent. Ils se taisent et elle continue de les tancer encore en bonne maman qui gourmande parce qu'elle a le sucre d'orge ; puis, se tournant vers celui dont les remarques intempestives ont provoqué le chahut, elle commande : « Et maintenant, compagnon, continue — mais sois bref ! » Et la voilà qui retombe dans sa torpeur attentive.

Au début du congrès, cependant, c'est elle qui avait fait le principal discours. Reprenant le vocabulaire et les formules début de siècle,

elle vous en jette un tel torrent dans un italien mêlé de consonnes mouillées à la slave, que l'on en reste ébaubi. Et ces Italiens, elle les gronde tous comme des enfants : « Mais vos motions ne sont pas assez socialistes, elles ne vont pas au fond des fonds. Tout est question de principe ou esu de rose. Vous n'êtes pas décidés à sortir du gouvernement ? Alors, restez-y ! » Et c'est ainsi qu'Angelica Balabanoff a probablement sauvé le cabinet de Gasperi. L'événement est assez piquant pour être relevé.

Sans doute n'était-elle pas seule à l'œuvre. Il y en avait beaucoup d'autres, et surtout Saragat. Saragat est un homme d'une souplesse et d'un charme fascinants. A la tribune du parti, il est comme transporté, comme transfiguré par l'attente et la connaissance de son pouvoir. Telles des flèches, il lance des phrases si concentrées, et dites si vite, qu'elles semblent une seule parole. Ce sont des décharges d'artillerie. Gestes volontaires. Yeux concentrés. L'orateur crée autour de lui une atmosphère nouvelle, il électrise, et la foule est sa proie. Saragat a pris le congrès par surprise. On s'attendait bien à une surprise, mais on ne savait pas laquelle. C'était la victoire !

Le congrès du P.S.L.I. devait d'ailleurs voir à son ouverture une cérémonie significative. Le podium de l'immense théâtre Dal Verme, partout orné de tentures rouges, avait au fond sur son écran la faucille et le marteau. Mais le parti voulait revenir aux origines démocratiques aussi dans l'ordre des emblèmes, et rejeter celui qu'ont pris au socialisme les communistes, desquels on veut se distinguer aux yeux de tous, et surtout des plus humbles et des plus simples. On vit donc, au début de la session, disparaître la faucille et le marteau, devenus équivoques, et surgir un soleil levant, avec en rouge sur la contrée qu'il éclaire le mot « socialisme ». La faucille et le marteau prendront désormais en Italie un sens évident pour tous : ils resteront aux communistes et à leurs alliés, mais les sociaux-démocrates les répudient.

Pour quelques jours, toute l'attention de l'Italie était tendue vers Milan, où la social-démocratie a toujours eu sa tête. Le sort du cabinet de Gasperi était suspendu aux décisions qui seraient prises à Piazza Cairoli. M. de Gasperi s'en tira grâce à Saragat et à... la Balabanoff. P.-E. B.

Milan, le 27 janvier 1949.

"Балабанова у итаљанцев" (Illustré, 3.2.1949)

Многие иду́т в университет не ради знаний, а чтобы включиться в борьбу с тиранией.

Они составляют «группы поддержки», собирают деньги, продают литературу... Глава одной из групп, Георгий Чичерин, станет советским комиссаром иностранных дел.

От других эмигрантов русских отличает азартность в политике и аскетизм в жизни. Даже те, кому доступен комфорт, пытаются жить, как народ, которому они хотят служить. Девушки стараются отличаться от богатых дам, одеваются просто, порой – нарочито безвкусно. Благополучные помогают бедным. Некоторые сердцем все еще скорее на берегах Невы, чем Роны и Лемана.

Анжелика следит за событиями 1905 года сперва с трепетом и надеждой, потом – с тревогой и ужасом: кровавое 9 января, забастовка в Питере, восстание в Севастополе, Пресня, Первая Дума, реакция, погромы, террор... Она старается пробудить в Швейцарии и Италии сочувствие к революции, выступает на сотнях митингов. Ее встречают с энтузиазмом. Она рассказывает о Марии Спиридоновой, посвятившей жизнь борьбе с царизмом. Когда люди слышат, что жандарм прижег ей руку папиросой, зал взрывается, слышны крики: «отомстим!», все встают. У входа сотни не попавших в зал, они рукоплещут. На улицах кричат: «Да здравствует русская революция!»

В Америке деньги на революцию собирает Максим Горький. В Италии Балабанова «поднимает» в три раза больше, хотя рабочие живут там куда хуже. Не зря французская писательница Мария Ляфон называет Анжелику «Калиостро в юбке» – порой та творит чудеса.

Война

Однако что-то не под силу и ей. Например, примирить социалистов-сторонников войны и ее противников. Считается, что все они за мир, но это не так. Интернационал готовится праздновать свою 50-ю годовщину на съезде в Вене в августе 1914-го. Ожидается, что его делегаты отвергнут войну и заявят воротилам: рабочие будут гибнуть только в бою за свою свободу. Однако выясняется, что многие поддерживают военные планы своих властей. Европа на краю большой крови, а вместо радостных людей в шикарнейшей Вене дождливым днем 28 июля двадцать угрюмых членов Исполкома II Интернационала заседают в мрачном Брюсселе. Скоро Германия объявит войну России. Австрия уже направила ультиматум Сербии.

На повестке антивоенная программа, принятая предыдущим съездом. Но кто тогда знал, что мировое смертоубийство реально? А сейчас отчаяние растет с каждым словом.

Виктор Адлер говорит, что австрийцы не выступят против войны. В Германии военная истерия, сообщает Гуго Хаасе – один из депутатов Рейхстага, выступивших против военных кредитов. В 1919-м он погибнет от руки террориста. Кейр Гарди считает, что в Британии войну остановит всеобщая забастовка, но это – оптимизм одиночки.

Исполком намечает съезд в Париже, но он не состоится. Француз Жан Жорес не доложит товарищам о брюссельских решениях – его убьют. А пока он пишет воззвание к рабочим мира, чтобы вечером произнести свою самую яркую речь. После в городе будет долго звучать: «Долой войну, да здравствует мир!». Но уже скоро толпы прославят смерть.

Анжелика Балабанова в 1962 году, в Израиле (© Israel National Photo Collection)

Катастрофа надвигается стремительно. Спасая остатки движения, социалисты проводят встречу в Лугано. Она даст импульс новому движению – Циммервальдскому, столетие которого Наша Газета «отмечала» вместе с ее читателям, но о котором стоит напомнить, ведь с этого момента начинается особая, драматическая полоса и в личной истории Анжелики Балабановой, и в истории международного левого движения.

На тот момент спасти движение можно, лишь приняв простую правду: военный угар поглотил не всех, остаются люди и группы, верные принципам. Карл Либкнехт

выступает в Рейхстаге с антивоенной декларацией, Анжелика передает ее в Италию для публикации в «Аванти!». Ее комната в Берне – штаб-квартира работы на благо мира. Сюда стекаются все несогласные с руководством своих партий и несут вести от немецких, австрийских и французских активистов, объединяющихся против войны.

Потребность в таком объединении очевидна, об этом убедительно пишет швейцарский журналист и социалист Роберт Гримм в газете Berner Tagwacht и предлагает созвать съезд противников войны. Подготовка идет в обстановке строгой секретности. Приезд 5 сентября 1915 года в городок Циммервальд делегатов из Болгарии, Венгрии, Германии, Голландии, Италии, Польши, России, Скандинавии, Франции, Швейцарии и Румынии удивляет всех. Это опасно – обсуждение с «врагами» антивоенных тем грозит обвинением в измене.

В русскую делегацию входят большевики, меньшевики и эсеры. Из 35 делегатов Ленин контролирует 8. Они назовут себя «циммервальдскими левыми». Большинство участников – за борьбу с войной, а единомышленники Ленина – за войну гражданскую и новый Интернационал. Их мало, но Ленин проявляет свойство, которое Анжелика до конца оценит в России: он бьется за каждый голос, споря с теми, кого точно не убедит. В России, наблюдая его вблизи, она поймет: Ленин рассматривает любого человека и событие, как стратег. Каждое слово, сказанное публично, имеет для него дальний политический смысл. Каждое действие – звено цепи, которое можно использовать. Философ Федор Степун пишет о нем: «Для... Ленина характернее всего то, что он, в сущности, не видел цели революции, а видел всегда только революцию как цель...» Но это будет позже.

Пока встречу в швейцарском Циммервальде начинают с подписания заявления делегатов Германии и Франции о том, что «эта война – не их война», и они готовы совместно работать на благо мира. А заканчивают единогласным принятием Манифеста: «Разжигатели войны лгут, утверждая, что война освободит угнетенные народы и послужит демократии. Они хоронят свободу своих народов, равно как и независимость других наций... Вам, мужчины и женщины труда, всем, кто страдает от войны и ради войны, мы говорим: “Вне границ, вне полей сражений и опустошенных стран, пролетарии всего мира, объединяйтесь!”»

Анжелика входит в созданный в Циммервальде Международный социалистический комитет. Через 15 лет она напишет: тогда в мире не было никакого социалистического движения, кроме Циммервальдского, заявлявшего: «Мы... собрались, чтобы восстановить международные связи рабочих, воззвать к их разуму и призвать к борьбе за мир».

Последователи Циммервальдской платформы выражают свою позицию в парламентах. В Германии всё больше депутатов голосуют против военных кредитов, а Балабанова тем временем готовит Второй съезд, который открылся 24 апреля 1916 года в Кинтале. (Об этом историческом событии Наша Газета тоже уже рассказывала.) Итоговый документ гласит: «Власти и пресса говорят, что войну нужно продолжать, чтобы покончить с милитаризмом. Не позволяйте себя обманывать. С милитаризмом любой страны может покончить только народ этой страны».

А война идет. И никто в мире не знает, как ее завершить. Но в Кинтале, по крайней мере, видят: это можно сделать, устранив ее причины.

Встреча завершается в первые часы 1 мая 1916 года. После 48 часов работы Анжелика предлагает дождаться утра Международного дня труда, дня единства рабочих.

Свершилось

В отличие от этого утра, ожидание революции казалось вечным. Февраль 1917-го не удивляет Балабанову. Может, чувства притупляет тяжелый грипп? А, может, неизбежность революции настолько очевидна для нее, что новость звучит как что-то закономерное? Вот так бывает: всю жизнь ждешь чего-то великого, оно свершается, а ты принимаешь его спокойно и деловито. Иностранцы ликуют, а ты спрашиваешь себя: что делать?

Конечно, ехать в Россию! Но как? И что потом? Пойдет ли страна путем развития индустрии и демократии? Или нужна более радикальная программа? Продолжит ли она войну? Об этом спорят везде, где есть русские.

В Цюрихе выступает Ленин. Анжелика знает его подход, и в мудрость других верит больше. Ей и в голову не приходит, что через семь месяцев этот лысый мужчина станет владыкой России. Пока он для нее просто лидер группы беженцев, и это мешает ей оценить его страшную мощь.

Эмигранты ищут путь в Россию через союзнические или нейтральные страны. Но Антанта помогать не хочет. Меньшевик Мартов предлагает немцам обменять их пленных на русских эмигрантов и пропустить их через Германию домой, однако план не принят. Ленин же о возвращении большевиков договаривается. Он готов на всё, чтоб ехать немедленно и с помощью своего союзника по Циммервальдскому движению

Фрицу Платтену получает от немцев разрешение для себя, Зиновьева, Радека и группы из примерно 20 человек проехать Германию в «экстерриториальном» поезде. Позже Анжелика поймет: прибыв в Россию первым, он получает фору в общении с массами.

После его отъезда секретарь Циммервальдской комиссии Роберт Гримм сообщает, что временное правительство оплатит проезд 200 эмигрантов из Швейцарии в Швецию. Мартов решает ехать: «если революция не положит конец войне, война убьет революцию». Их поезд не пломбируют, но выходить и говорить с немцами нельзя.

Анжелика едет с Мартовым, Аксельродом и Луначарским, будущим комиссаром образования. Среди них она – единственная видная участница европейского рабочего движения. Она ступает на родную землю, плача от радости и держа в руках красный шарф с девизом: «Да здравствует Циммервальд! Да здравствует русская революция!» На границе толпа поет «Интернационал». В столице товарищей встречает Чернов и члены Думы, а Анжелику один из братьев.

Она мало общалась с родными, чтобы не навлечь на них преследования властей. Порой встречалась с сестрой Анной на немецких и швейцарских курортах, но с начала войны не писала и ей. Не сообщила она и о приезде: брат узнал о нем из газет, и, встретив ее на вокзале, повез к Анне, которую Анжелика порой зовет мамой. В первые дни в Петрограде она живет у сестры и у брата.

Вникая в события, она видит: бизнес, приняв революцию, не хочет ее развития. На премьера Керенского давят правые силы. Солдаты бегут с фронта, заводы закрывают, транспорт расхлябан, продуктов мало. А люди не могут есть плакаты и газеты. Им нравится свобода с хлебом, и Ленин бросает им лозунг «Мира и хлеба!». Мощный рекламный девиз, отражающий их желания.

Конфликт власти, ведущей войну, и жаждущих мира людям всё острее. В Петрограде Совет издает «Условия мира русского народа». Главные: «мир без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов, созыв конференции социалистических партий и группировок всех стран». Многие видят ее основой циммервальдский процесс, но Ленин хочет рвать с Циммервальдским «центром» и строить III Интернационал.

Анжелика общается с ним и Троцким, видит не только их взаимную неприязнь, но и дар Троцкого поднимать массы силой темперамента и ума. Ей претит его высокомерие, но несмотря ни на что, она верит: только большевики спасут революцию.

Летом 1917-го она вступает в их партию, а осенью проводит в Стокгольме новую Циммервальдскую конференцию – строит мост от русской революции к зарубежной поддержке. Узнав об октябрьском перевороте, она хочет сплотить рабочих мира в его поддержку и в борьбе против войны. Манифест конференции она публикует на 12 языках и шлет на все фронты, а сводки о событиях в России – во все газеты.

Ленин следит за ее действиями «с волнением и интересом». Он считает, что удержит власть, только если революция придет в Европу, и пишет Анжелике: «Дорогой товарищ, Ваша работа чрезвычайно важна... Мы рассчитываем на вас, как на человека, оказывающего нам самую действенную поддержку. Не думайте о средствах. Если нужно – тратьте миллионы, десятки миллионов. У нас много денег. ...Некоторые курьеры не доставляют наши газеты вовремя. Пожалуйста, сообщите их имена. Эти саботажники будут расстреляны».

Она не сообщает... Пишет: это лишние траты. Но деньги шлют и требуют тратить их на просоветские группы и газеты. Она этого не одобряет. И средства идут через другие руки. «Я, – пишет Анжелика, – видела рождение коррупции международного движения».

В России Анжелика узнает: ее брат и сестра бежали из Петрограда в Одессу. А другой брат и его жена убиты в Чернигове мародерами, тело брата было разрублено на куски.

КОМИНТЕРН

Россия – в кровавом хаосе, и революция лишь отчасти оправдывает происходящее в глазах Анжелики. Она видит: террор входит в привычку, большевики борются с любой оппозицией просто – истребляют ее.

Это против ее взглядов. Она считает: если и возможна жертва ради спасения тысяч людей, то одна слеза и капля крови, пролитая без крайней нужды, – позор для проливших.

Ленин просит ее немедленно приехать за город, где оправляется от ранения, хочет знать новости с Запада. Он встречает ее расспросами, Ждет европейской революции, а после – мировой. Он неохотно говорит о покушении и накатившей следом волне «красного террора». А Анжелике порой приходится спасать от него невинно арестованных.

Вскоре, с огромным трудом, она выезжает в Швейцарию. На границе видит в газете новость: «Известная революционерка Балабанова везет из России миллионы, чтобы спровоцировать революцию в Швейцарии и Италии». То же – во многих газетах.

В Цюрихе к ней подходит незнакомец. Приглашает на обед.

– С какой стати? Я вас не знаю...

– Я, – говорит мужчина, – слышал, как вы щедры, синьора. И если бы вы одолжили мне небольшую сумму, то никогда не пожалели об этом. 60 000 франков. Сущий пустяк...

Ей предлагают купить дома, мебель, поместья. Выдавая себя за журналистов и заговорщиков, приходят агенты. А она едет в Берн праздновать годовщину Октября.

Всюду в Европе волнения. Швейцария в тревоге. Надвигается всеобщая стачка. Газеты пишут, что к ней подстрекает агент большевиков Балабанова. Ей грозит арест. И вот – стачка происходит. Всяду солдаты – Швейцария защищает демократию. Ее высылают.

В Москве Анжелика селится в отеле «Националь», где живут советские деятели. Она стыдится большого номера – хочет жить, как народ. Отвергает паек первой категории. В Кремле не обедает, хотя и может. Ее обед – суп из консервов, рыба и хлеб. Раз в неделю получает сахар, постное масло, изюм и селедку. А здоровье всё хуже. И ей прописывают диету из продуктов «Nestlé»: их присылают шведы для российских детей, и они есть на складах.

Склад – стратегический центр советской власти. Ей выдают меховую шубу, выделяют и машину. Никак не выходит жить, как народ. А вокруг насилие и голод. Не раз ее зовут выступить перед теми, кому обещали, но не дали хлеба.

Меж тем в Европе готовят съезд левых партий. Для Ленина это сигнал: возрождают ненавистный II Интернационал. Пора воплощать его мечту – Коминтерн. По радио активистов зовут на съезд в Москву: «под знаменем рабочих Советов, революционной борьбы за власть и диктатуру пролетариата, под знаменем III Интернационала, рабочие всех стран, объединяйтесь!» – пишет Троцкий. Он жаждет мировой революции. Анжелика тоже, хотя и видит ее иначе, но понимает это только на II съезде Коминтерна в 1920 году.

Балабанова следила за формированием его отделений со штаб-квартирой в Комиссариате иностранных дел. Почти все их члены – пленные, сидящие в России. По большей части, они вступают в партию, ожидая привилегий. Мало кто что-то знает о социализме. Но их готовят к работе – двоих хотят послать в Италию с мандатами Ленина и большими деньгами. Беседа с ними, Анжелика видит, что о рабочем движении они не знают ничего.

Она просит: «Владимир Ильич, заберите у них деньги и мандаты. Они наживаются на революции. В Италии от них будет только вред». «Для развала социалистической

партии, – отвечает он, – сгодятся».

Анжелика видит: он считает ее партию вражеской и хочет разрушить, используя провокаторов, которых Коминтерн плодит, как мух. Сегодня их враг – капитал, завтра – профсоюзы, потом – противники Ленина, а после его смерти – большевики. «К 1937 году, – пишет она, – Октябрьскую революцию ликвидируют от имени “ленинизма”». Из Италии тем временем пишут: «посланцы революции» пьют в бардаках Милана.

Зимой 1919-го Балабанова едет в Киев как комиссар по иностранным делам как бы независимой, но подчиненной Москве Украины: отсюда легче продвигать Коминтерн. Его учреждают в марте 1919-го, объявив преемником Циммервальдского движения. А само движение хоронят: «Циммервальдский союз пережил свое назначение. Все, что в нем было революционного, переходит к Коммунистическому интернационалу».

Анжелика, как и ряд других участников, не признает это решение. В разгар споров на сцену выбегает делегат: запыхавшись, будто с поезда, он кричит, что прибыл из Европы. Говорит, что капитализм там рухнет, массы восстанут, мир на грани революции, он ждет, что Москва укажет путь к победе.

Эта речь меняет настроение. Зад возбужден, все требуют немедленно учредить III Интернационал. Мигом принимают резолюцию и выбирают вождей. Анжелика не голосует. Но Коминтерн – вот он.

Ленин рад. Он зовет рабочих мира «сплотиться под знаменем Советов и вести революционную борьбу за власть и диктатуру пролетариата». Организаторы ловко управляют людьми. Ленин, «рулящий» собранием, просит Анжелику объявить о вступлении в Коминтерн Итальянской социалистической партии. Но даже в возбуждении она не может этого сделать без мандата партии, а связи с ней нет. Ленин требует: «вы должны...» Но она не сдается.

Съезд завершен. Анжелика прощается с Троцким. А тот: «Как? Разве вы не знаете, что будете секретарем Интернационала?..» Она не успевает оглянуться, как стоит перед Лениным. Щуря глаз, как всегда, кодируя человека, он говорит: «Партийная дисциплина существует и для вас, дорогой товарищ. Это решение Центрального комитета».

Вечером – праздник, песни, энтузиазм... Чествуют товарища Балабанову – Генерального секретаря. Потом она напишет, что «несколько минут чувствует себя очень счастливой», видит – «не напрасно жила». Восторг отодвигает сомнения на второй план. На следующий день приходит пора осваивать новое здание, штат секретарей, автомобили... Анжелика просит Ленина избавить ее от бюрократической рутины. «Не волнуйтесь, – утешает он, – Вам поможет товарищ Воровский. И, надеюсь, вы не будете создавать нам трудности в отношении тех, с кем должны сотрудничать».

Коминтерн возглавляет Зиновьев. Анжелика пишет о нем, как о самом презренном человеке, какого встречала в жизни. После Муссолини. Он – послушное орудие Ленина, и ради личных целей готов на любой маневр, раскол, клевету и интригу. Но Балабанова не хочет покупать людей и разваливать партии, строя на руинах секты, послушные Москве.

гость. А Ленину говорит: «Я здесь, чтобы подчеркнуть, что бойкотирую съезд».

В 1921 году социалистов Италии удастся расколоть, что облегчает победу фашистов и губит рабочее движение. На грани нервного срыва, Анжелика хочет покинуть Россию и нежданно встречает понимание Ленина. Он выписывает ей удостоверение: «Товарищ Анжелика Балабанова в течение многих лет была членом партии. Она одна из самых выдающихся активистов Коммунистического интернационала. Вл. Ленин».

Правда потом ее пытаются удержать соблазнительными посулами и проволочками. Но дают, наконец, бумагу с грифом «Совершенно секретно»: «Товарищу Балабановой разрешается покинуть Россию под свою ответственность. Ей запрещается выражать свое мнение в устной или письменной форме по итальянскому вопросу». Зимой 1921 года, через четыре с половиной года после того, как прибыла в Россию с надеждой, Анжелика покидает ее с горечью.

... Революция, любимая ею, как мать, оборачивается мачехой. В СССР фактически в день отъезда ее вычеркивают из истории, однако в мире продолжают считать исторической личностью. Ее помнят в США и Европе – Австрии, Бельгии, Швейцарии, Франции, а в Италии до сих пор называют «невероятная Анжелика»...

Как часто бывает с такими людьми, в ее судьбе есть белые пятна. Одни сомневаются в ее недолгом браке. Иные – в еврейском происхождении. Кто-то считает, что звали ее Ангелина. Есть неясности с фамилией...

Порой всплывает легенда о романе с главой итальянских фашистов. В фильме «Анжелика Балабанова. Русская жена для Муссолини», вышедшем в 2012 году, сообщают, что это – главная тайна ее жизни. Журналист Амедео ла Маттина объявляет, что в 1904-м Анжелика и Бенито «стали любовниками». Говорит, его старшую дочь Эдду родила не первая жена Ида Дальзер, а Балабанова, но, порвав с Бенито, оставила и ребенка... Доказательства подобных утверждений приводятся лишь косвенные. Точно мы знаем одно: когда Бенито становится дуче, Анжелика говорит: «я отрекаюсь от него навсегда».

После отъезда из России ее жизненный курс проляжет через много стран, включая Швейцарию. Вторую мировую войну она переживет в США, а вернувшись в Италию, окончит дни в рабочей семье Джанелли, то рыдая о жизни, отданной борьбе, то восклицая: «Нет! Все было правильно... Жаль только, нет семьи». А за пару минут до кончины попросит прощения у матери и уйдет, целуя воздух и повторяя: мамочка, мамочка...

В 1965 году Angelika Balabanoff, невероятную Анжелику, похоронят в Риме.

Она оставит по себе добрую память, статьи и подробные мемуары «Моя жизнь – борьба». Но самое необычное в ее наследии – стихи. Тягу к ним она откроет, покинув Москву. Друзья признают ее талант, и она начнет писать – легко, на разных языках...

Предстоящие годы тяжелы. Сотни ее друзей поглотят пламя Второй мировой, нацистские лагеря, итальянские тюрьмы, сталинский террор. «Слишком часто... приходится писать слова прощания с мертвыми, и слишком часто эти люди умирают насильственной смертью... Такое сейчас время», – напишет в 1938 году современник Балабановой, революционер и писатель Виктор Серж – человек редкого дарования,

большой судьбы и суровой боли. Боли, которая была с ним всегда.

Как была она с Балабновой. Стоит всмотреться, и вся ее жизнь предстанет этой болью, почти выносимой бедой, с которой она свыклась и как бы не замечает, но которую едва сдерживает ее душа. А когда она вырывается, то изливается потоком слез. Ими она и пишет книгу стихов, которую так и назовет: «Слезы» .

В ее строках звучит нечто не высказанное ни в беседах, ни письмах, ни в речах.

Я много жизней прожила,
Себя, других огнем я жгла.
Огнем поныне я горю.
Я счастья народного прекрасную зарю
Во мгле заката серого видала,
Сестру и брата призывала
К заре итти . И цепи я молила сбросить
Всех тех, кто в рабстве еще носит
Их.

<...>

И жизни чашу мы до дна
Испили.
И горькою, и сладкою была
Она,
И жалко нам тех стариков,
Бездушных, алчных стариков,
Которым не дана
Ни жажда та,
Ни чаша та.

Вена, 18 мая 1924 г.

От редакции: Редакция Нашей Газеты.ch благодарит Ивана Грезина и Кирилла Букетова за помощь в поиске редких фотографий.

[революция 1917 года](#)

Статьи по теме

[Анжелика Балабанова – падчерица русской революции. Часть 1](#)

[Русские революционеры – политические беженцы в Швейцарии](#)

[Муссолини – почетный диктатор Лозанны](#)

[Циммервальд – сто лет назад и сегодня](#)

Source URL:

<http://www.nashagazeta.ch/news/les-gens-de-chez-nous/anzhelika-balabanova-padcherica-russkoy-revolyuicii-chast-2>